B40—
262.

62

Л. Тихомировъ.

X

РАБОЧІЕ
И
ГОСУДАРСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія газеты „Россія“ Фонтанка, 57.
1908.

Нет

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
665232

Отдѣльные оттиски изъ газеты „Россія“.

РАБОЧІЕ и ГОСУДАРСТВО.

I.

Въ XIX вѣкѣ передъ странами новѣйшей культуры неожиданно для нихъ выдвинулся такъ называемый «рабочій вопросъ», быстро превратившійся въ общее пугало. Объ руку съ нимъ неизмѣнно шли революціи, потрясавшія государства, и соціализмъ, потрясавшій тысячелѣтнія основы человѣческаго общежитія. Миліоны рабочихъ проникались убѣжденіемъ въ томъ, что передъ ними стоитъ или смерть, или полный переворотъ государственности и общественности. Они сами отождествляли свое дѣло съ соціалистической революціей, и такой же взглядъ на рабочее движеніе охватывалъ другіе классы. Въ результатѣ получалась страшная взаимная ненависть и ожесточенная борьба, съ такими эпизодами, какъ выжиганіе роднаго Парижа коммунарами, и «кровавая недѣля» ихъ безпощаднаго истребленія «версальцами». Возстаніе, усмиреніе, терроръ справа и слѣва: вотъ что встаетъ

въ воображеніи средняго «образованнаго человѣка» при мысли о рабочемъ движеніи.

Въ странахъ, раньше нашего вступившихъ въ это тяжкое испытаніе, теоретическая мысль и практика уже давно стали различать внутренній устроительный смыслъ этихъ разрушительныхъ движеній. Но къ намъ, въ Россію рабочій вопросъ вторгся въ самыхъ архаически-революціонныхъ проявленіяхъ. По меньшей развитости, у насъ увѣровали въ соціальную революцію съ такимъ же фанатическимъ жаромъ, съ какимъ средневѣковые крестьяне ждали обѣщаннаго Мюнцеромъ наступленія Царства Божія.

Въ результатѣ наши «Союзы союзовъ» интелигенціи, организующіе «всеобщія забастовки», наши рабочіе, серьезно вѣрящіе, что имъ на завтра предстоитъ «взять въ свои руки средства производства страны», наши революціонеры, практикой «экспропріаціи» сливающіе себя съ подонками общества, наше невообразимое «ограбное» движеніе, эта причудливая смѣсь первобытной сословности съ «передовымъ» анархизмомъ, все это создаетъ движеніе, способное, конечно, нагонять ужасъ даже на нашихъ европейскихъ сосѣдей, а въ русскомъ патріотѣ порождать тяжкую мысль о наступающемъ разложеніи

великаго государства, созданнаго тысячелѣтнимъ подвигомъ русской націи. Но чѣмъ страшнѣе и опаснѣе этотъ взрывъ безгосударственности, тѣмъ болѣе необходимо для насъ подняться на высоту пониманія, способнаго уяснить не только «безсмыслицу» нашего состоянія (что видѣть не трудно), но и тотъ «смыслъ», которымъ по своимъ внутреннимъ тенденціямъ разрѣшается рабочее движеніе въ его историческомъ развитіи.

Этотъ внутренній смыслъ, все болѣе уясняющійся за столѣтній періодъ, можетъ давать руководство практическимъ запросамъ русской государственности въ умиротвореніи и устроеніи расшатанной страны; можетъ точно также освѣщать для самихъ рабочихъ разумный путь достиженія ихъ интересовъ.

II.

Рабочій вопросъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, то есть вопросъ о положеніи трудящихся, конечно, старъ какъ міръ.

О трудѣ, его возможномъ обезпеченіи, его возможной выгодности—человѣкъ долженъ былъ думать съ тѣхъ поръ, какъ началъ ѣсть и пить.

Въ этомъ всемірно - историческомъ

«вопросѣ о трудѣ» есть одна сторона, которая нѣчто освѣщаетъ и въ современномъ «рабочемъ вопросѣ», а именно тотъ фактъ, что задача добыванія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ всегда разрѣшалась не иначе, какъ въ связи съ соціальной организаціей.

На этомъ фактѣ Марксомъ и Энгельсомъ воздвигнута ихъ теорія, ложная лишь въ томъ отношеніи, что переставляетъ мѣсто основныхъ факторовъ жизни, утверждая будто бы соціальныя и политическія отношенія надстраиваются на фундаментѣ экономическихъ. Исторія и соціологія, разсматриваемыя безпристрастно, показываютъ совершенно обратное соотношеніе. Но самый фактъ тѣснѣйшей связи труда съ соціальной и политической организаціей трудящихся— не подлежитъ никакому оспариванію.

Первобытныя общества, воскрешаемыя передъ нами изслѣдованіями Моргана, картины патріархальнаго и родового быта, рисуемыя библейскими повѣствованіями, родная исторія каждаго современнаго народа, швейцарцевъ, русскихъ, китайцевъ, совершенно одинаково говорятъ намъ, что отношенія трудовыя регулируются отношеніями соціальными, въ свою очередь регулируемыми отношеніями политическими, такъ что безъ введенія каждаго трудового слоя

въ соціальныя рамки—невозможно снисканіе «хлѣба насущнаго».

Поэтому забота о регулированіи трудовыхъ отношеній на почвѣ соціальной, съ общимъ обо всѣхъ попеченіемъ государства — составляетъ черту европейскихъ государствъ перваго тысячелѣтія ихъ существованія. Средневѣковые цехи и корпораціи преслѣдовали цѣль общей гармоніи интересовъ, охраняя и потребителей, и всѣ классы производителей. Тогда совершенно отрицалась мысль, нѣкоторое время господствовавшая въ XIX вѣкѣ, будто бы экономическія отношенія устраиваются наилучшимъ образомъ свободной конкуренціей. Напротивъ, въ тѣ времена старались не допустить конкуренцію къ обездоливанію трудящихся и потребителей. Правила корпоративныя и стремленія государственныя вели къ тому, чтобы обезпечить и рабочему извѣстный минимумъ средствъ, и не допустить полнаго разрыва между рабочей силой и орудіями труда. Это достигалось не отрицаніемъ собственности, и не стремленіемъ къ уравненію ея между всѣми, а тѣмъ, что трудящійся вводился съ прочными и ясными правами въ общую организацію производства, получая такимъ образомъ если не обладаніе орудіями труда, то обезпеченное право пользованія ими. Такой организаціей не до-

пускалась безграничная конкуренція, въ которой слабый обрекается на погибель или порабощеніе.

Духъ государственности былъ таковъ, что законъ иногда прямо предписывалъ хозяину давать рабочимъ «достаточную плату» (Англія, законъ Елисаветы), и мировые судьи до XIX вѣка имѣли обязанность слѣдить за дѣйствительнымъ исполненіемъ этого.

Подъ давленіемъ волненій ткачей въ 1773 году, парламентъ, разсказываютъ извѣстные Сидней и Беатриса Уеббъ («Исторія рабочаго движенія въ Англіи»), принялъ предложеніе объ установленіи законодательнымъ путемъ размѣра заработной платы, уполномочивъ судей опредѣлить размѣры заработной платы, и настоять на соблюденіи хозяевами таксы. При этомъ «одинъ важный человѣкъ сказалъ ткачамъ, по словамъ одного изъ нихъ, что правящій классъ составилъ законы, а мы, народъ, должны приставить имъ ноги». И вотъ временное соединеніе рабочихъ, возникшее съ цѣлью побудить правительство издать законъ, превратилось въ *постоянный союзъ* для наблюденія за его исполненіемъ. «Союзъ» являлся представительствомъ (передъ мировыми судьями) какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, при чемъ на основаніи показаній его періодически выраба-

тывался сложный тарифъ сдѣльной заработной платы.

Конечно, каждая система регуляціи трудовыхъ отношеній годится не для всякихъ условій, а только для своего времени, какъ система Моисея создавалась именно для его народа и времени, какъ китайцы создавали свои земельные законы именно для себя и для своихъ условій и т. д. Но во всѣхъ этихъ системахъ было одно общее качество: памятованіе того, что трудовыя отношенія требуютъ внутренней организаціи и согласованія со строемъ соціальнымъ, и что обязанность общественной власти требуетъ *попечительнаго* отношенія ко всему, слишкомъ слабому для мирнаго отстаиванія своихъ интересовъ.

Это и въ государствѣ не есть что-либо «отсталое», но вѣчное требованіе самого смысла его. Власть государственная, получившая въ свое вѣдѣніе общественную силу принужденія, взявшая, какъ выражается Коркуновъ, «монополію насилія», изъемлемаго изъ права частныхъ лицъ и группъ, по самому смыслу своему, принимаетъ на себя обязанность не допускать такихъ положеній, когда соціально слабому нѣтъ другого выхода, какъ пускать въ ходъ мѣры физическаго насилія.

Каковы были послѣдствія прежней

системы, на это отвѣчаетъ вся исторія Европы. Именно эта система создала Европейскую цивилизацію, развила въ изумительной степени промышленность и торговлю, и подготовила средства для господства Европы надъ земнымъ шаромъ. Въ то-же время внутри страны развивалось твердое довѣріе народа къ государственной власти, внимательной къ его нуждамъ. «Господствующей чертой промышленной политики XVI вѣка (въ Англіи) была установка административныхъ органовъ, которые должны были играть относительно промышленности ту же роль, какую раньше исполняли ремесленные цехи». «Парламентъ этой эпохи находилъ совершенно правильнымъ, что притѣсняемые рабочіе обращаются къ законодательной власти для защиты ихъ заработка отъ урѣзки конкурирующими капиталистами». Въ свою очередь это «укрѣпляло у рабочаго люда всеобщую нѣкогда вѣру въ справедливость и хорошую политику, обезпечивающія соотвѣтственнымъ законодательствомъ «приличное существованіе» всѣмъ лицамъ, занятымъ въ промышленности». (Уеббъ, Ист. стр. 35—36).

Съ различными варіаціями, таковы были повсюду рамки, въ которыхъ совершался трудъ въ историческомъ обществѣ. Человѣкъ всегда трудился, при-

надлежа къ какой нибудь общинѣ или корпораціи, вообще къ нѣкоторой соціальной организаціи, которая помогала его труду и улучшала его бытъ и обстановку. Онъ оставался членомъ общества, которое разными путями его поддерживало, и облагораживало его жизнь. Со своей стороны, государство не только охраняло право личности, но и поддерживало соціальный строй. Возникши, какъ завершеніе соціальнаго строя, государство помнило, что онъ составляетъ основаніе его самого, заботилось о поддержаніи его силъ въ здоровомъ состояніи.

Но вотъ насталъ крутой переломъ.

III.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, по стеченію ряда обстоятельствъ, подрывавшихъ прежній строй и прежнія сословія, въ Западной Европѣ произошла попытка новаго построенія государства на началахъ индивидуалистическихъ, игнорируя соціальный строй. Исходя изъ представленія, что государство образуютъ лишь отдѣльные граждане, а не какія-либо ихъ группы, возникла идея строя общегражданскаго. Теорія первоначально заходила столь далеко, что признавала «сообщества» какъ бы явленіемъ антигосударственнымъ, вреднымъ, и прямо

ихъ воспрещала. Такъ рабочія общества во Франціи и Англіи были запрещены въ концѣ XVIII вѣка, въ остальныхъ государствахъ эта тенденція повторялась по мѣрѣ ихъ присоединенія къ новому типу государственнаго построенія.

По самому духу своему, это «буржуазное» государство отказывалось отъ задачи попечительной, и ограничивалось поддержаніемъ свободныхъ правовыхъ нормъ, практически сводя свою дѣятельность чуть не къ однимъ полицейскимъ обязанностямъ, при чемъ «полиція» понималась далеко не въ томъ широкомъ смыслѣ, какой ей дало впослѣдствіи развившееся полицейское право. Вліяніе гражданъ въ государствѣ обезпечивалось представительствомъ, но безъ всякаго вниманія къ ихъ соціальному положенію. А, между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Адольфа Пренса, въ дѣйствительности «въ политикѣ нѣтъ просто человѣка, а есть торговцы, промышленники рабочіе, земледѣльцы, художники». «*(De l'esprit du gouvernement democratique». 1905 г.)*. Для всѣхъ нихъ важно представительство «интересовъ», а не отвлеченнаго права. Но вытекающаго отсюда групповаго представительства новое государство не допускало иначе, какъ путемъ образованія соотвѣтственныхъ партій, а это путь для

соціальнаго представительства почти невозможный. Политическія партіи очень быстро вырабатываютъ свои интересы, подъ давленіемъ которыхъ народные представители постоянно забрасываютъ интересы своихъ избирателей. Впрочемъ, государство общегражданскаго строя даже и по теоріи освобождаетъ представителей отъ обязанности соображаться съ требованіями избирателей.

А между тѣмъ въ то время, какъ государство отрѣшалось отъ связи съ соціальнымъ строемъ, въ послѣднемъ происходилъ цѣлый переворотъ. Въ промышленности начался громадный притокъ *наемныхъ* рабочихъ въ центры производства. Это было время захвата Европою всемірныхъ рынковъ, небывалаго развитія торговли, уменьшенія значенія внутренняго сельскаго хозяйства, съ громаднымъ спросомъ рабочихъ рукъ на фабрики, и заводы. Ежегодно растущія массы рабочихъ, «гражданъ» новаго государства, находили въ центрахъ промышленнаго производства жизнь, хотя дающую заработки, но лишенную всякаго внутренняго устройства. Они проживали въ состояніи сбродной толпы, ничѣмъ внутренно между собою не связанные, брошенные на произволъ неограниченной конкуренціи, спроса и предложенія труда и разнообразнѣйшихъ колебаній произ-

водства. Никакія учрежденія не регулировали этой жизни, не обезпечивали на черный день, не помогали ни увеличенію заработка, ни разумному сбереженію, ни выгоднѣйшему употребленію средствъ. Этотъ режимъ неограниченной свободы для немногихъ давалъ просторъ дѣйствія, велъ къ обогащенію. Для всей же массы онъ оказывался режимомъ голодовокъ, разгула, кабака, тюрьмы, а въ концѣ концовъ, какъ идеалъ, не легко достижимый, указывалъ только богадельню.

Въ теченіи жизни одного поколѣнія, говорятъ С. и Б. Уеббъ, обрисовывая этотъ моментъ для Англіи, средневѣковая политика покровительства со стороны Палаты Общинъ смѣнилась политикой «административнаго нигилизма». Законъ и правительство отказались вмѣшиваться въ отношенія нанимателей и рабочихъ. Рабочіе сначала не вѣрили такому перевороту, осыпали правительство жалобами, обращались и къ королю. Но ничего изъ этого не выходило. Что было имъ дѣлать? Государство отказывалось помогать. Являлась мысль стать самимъ на его мѣсто.

«Когда имъ отказывали въ законодательномъ содѣйствіи, рабочіе во многихъ случаяхъ брали дѣло въ собственныя руки, и стремились при помощи поста-

новленій своихъ рабочихъ союзовъ сохранить то, что когда то предписывалось закономъ». Такъ начинается развитіе рабочаго движенія.

IV.

Одновременно съ этимъ явилось и ученіе соціалистическое, не въ смыслѣ отвлеченной утопіи, какъ бывало раньше, а въ смыслѣ практическихъ попытокъ измѣненія существующаго строя жизни. Здѣсь не мѣсто обрисовывать эволюцію соціализма, (объ этомъ см. мою брошюру «Соціализмъ въ государственномъ и общественномъ отношеніи» Москва, Тип. Ефремова, 1907 г.), и должно лишь напомнить, что его доктрины быстро перешли отъ организаціи изолированныхъ, какъ бы сектанскихъ общинъ—къ созданію партій, имѣющихъ цѣлью измѣнить строй цѣлыхъ современныхъ государствъ и обществъ. Въ соціализмѣ образовалось могущественное соціально-политическое движеніе съ рѣзкимъ революціоннымъ характеромъ.

Эти два движенія, *рабочее* и *соціалистическое*, одновременно начавшіяся, неоднократно шедшія объ руку, и отождествлявшія себя, для многихъ и теперь представляются однимъ и тѣмъ же движеніемъ. Это однако весьма ошибочная точка зрѣнія. Между этими двумя дви-

женіями есть лишь та идейно-родственная черта, что оба они выражали протестъ общественности противъ той новой формы государственности, которая отрекалась отъ обязательной связи съ соціальнымъ строемъ и кипящими въ немъ запросами классовыхъ интересовъ. Но дальнѣйшее сходство прекращается. По происхожденію они вышли изъ разныхъ источниковъ, по содержанію своему имѣютъ совершенно различныя тенденціи, и по внутренней логикѣ развитія должны приходить къ различнымъ результатамъ. Конечно, это глубокое различіе не сознается очень часто и самими рабочими. Что касается соціалистовъ—вся ихъ тактика основана на отождествленіи своихъ стремленій со стремленіями рабочихъ, и на постоянномъ внушеніи рабочимъ, будто бы каждый «пролетарій» есть ipso facto соціалистъ, а «рабочая партія» есть непремѣнно «партія соціалистическая». Это въ дѣйствительности совершенно невѣрно, и виднѣйшій представитель нѣмецкой соціалъ-демократіи, Э. Бернштейнъ, анализируя «пролетарскую» идею, долженъ былъ сознаться, что «то, что мы (т. е. соціалисты) называемъ *пролетарскимъ міровоззрѣніемъ*—для пролетаріевъ является вначалѣ идеологіей... Реальный рабочій нуждается въ извѣстномъ напряженіи абстрагирующей

мысли, чтобы освоиться съ образомъ мысли тѣхъ пролетаріевъ, которыхъ предполагаетъ теорія... потому что *это міровоззрѣніе не вытекаетъ непосредственно изъ условій его жизни...*». («Реалистическій и идеологическій моментъ въ соціализмѣ», 1898 г.).

Другими словами: «пролетарій» становится соціалистомъ вслѣдствіе воздѣйствія пропаганды, точно также какъ магометанинъ, подъ дѣйствіемъ пропаганды, можетъ перейти въ еврейство или буддизмъ. Но въ соціализмѣ нѣтъ ничего специфически рабочаго.

То движеніе, которое выходитъ изъ среды самихъ рабочихъ, то міровоззрѣніе, которое вытекаетъ непосредственно изъ условій ихъ жизни, создаютъ вовсе не соціалистическій строй, а организацію даннаго класса. То движеніе, которое создало соціалистическія партіи, вышло, напротивъ, изъ среды революціонной интелигенціи, и имѣетъ въ виду не организацію рабочаго класса для сожительства съ другими классами, а созданіе изъ рабочихъ арміи для общаго переворота всего существующаго строя.

Чисто рабочее движеніе, вездѣ гдѣ оно проявлялось сколько нибудь самостоятельно, выражалось въ формахъ професіональной организаціи, имѣя стремленіе къ улучшенію положенія

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

даннаго класса. Соціалистическія пар
тіи, имѣя только революціонны
цѣли, въ лучшемъ случаѣ терпѣл
это движеніе, стараясь имъ воспол
зоваться. Улучшенія быта рабочих
онѣ никогда не желали, потому что он
лишь ослабляетъ революціонное настрое
ніе. В. Кулеманъ совершенно правильн
упрекалъ когда то германскую государ
ственную власть въ непониманіи такого
соотношенія соціалистическаго и рабоча
го движеній, и говорилъ: (В. Кулеманъ
«Професіональное движеніе»).

«Професіональное движеніе есть смер
тельный врагъ соціалъ-демократіи
Только полнѣйшимъ непониманіемъ
окружающихъ соціально-политическихъ
отношеній можно объясить тотъ фактъ
что чиновники, обязанные закономъ
бороться противъ соціалъ-демократіи, не
употребили всѣхъ средствъ для под
держанія професіональныхъ союзовъ»

Само собою разумѣется, что этотъ
упрекъ справедливъ лишь въ отношеніи
тѣхъ случаевъ, когда государство отно
сится враждебно къ *дѣйствительному*
професіональному движенію, а не къ
тѣмъ поддѣлкамъ его, которыя органи
зуютъ соціалистическія партіи вовсе не
для преслѣдованія професіональныхъ
цѣлей, а для толканія рабочихъ къ со
ціальному перевороту.

V.

Для конкретнаго поясненія дѣйствительнаго отношенія государства, рабочихъ и соціализма въ этой трагедіи, наполняющей тревогой весь культурный міръ, лучше всего служитъ ходъ рабочаго движенія въ Англіи, гдѣ этотъ сложный процесъ, ранѣе начавшись, успѣлъ себя выяснить болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Въ ту эпоху, когда государство отреклось отъ идеи попеченія о благоустройствѣ соціальныхъ слоевъ, сословій, классовъ,—рабочіе, брошенные на произволъ судьбы и собственныхъ своихъ силъ, еще въ концѣ XVIII вѣка проявили революціонное настроеніе. Сами по себѣ рабочіе были недовольны лишь *безучастіемъ* государства. Но въ это же время явилась соціалистическая доктрина, которая указала имъ принципіальное отрицаніе государства. Ее выдвинулъ Робертъ Оуенъ, родоначальникъ новѣйшаго соціализма.

Его ученіе практически очень сходится съ ученіемъ Карла Маркса, создавшаго позднѣе «соціальную демократію». Оуенъ въ 1833 г. составилъ планъ національныхъ учрежденій, которыя бы соединили всѣ рабочіе промыслы, съ тѣмъ, чтобы фабрики перешли въ

руки «національныхъ компаній», и частная конкуренція была совсѣмъ уничтожена. Всѣ отрасли промысловъ должны были при этомъ явиться союзами всѣхъ рабочихъ даннаго промысла.

Этотъ планъ, составлявшій попытку полнаго соціалистическаго переворота, предполагалось осуществить въ самомъ ближайшемъ будущемъ, и къ національному рабочему союзу, для того организованному, въ 1834 году примкнуло не меньше 500,000 человѣкъ рабочихъ.

Каковъ смыслъ этого движенія, въ отношеніи государства? Государство отказалось отъ исполненія соціальныхъ обязанностей. Съ этого момента оно становилось какъ бы не нужнымъ, безполезнымъ для людей, всѣ жизненные интересы которыхъ связаны съ ихъ соціальнымъ положеніемъ. Съ другой стороны, не представлялось возможности урегулировать эти интересы безъ какой либо высшей власти, охватывающей своимъ воздѣйствіемъ всю страну. Въ этотъ моментъ соціализмъ подсказываетъ рабочимъ, что государство можно замѣнить ихъ собственнымъ классомъ, организованнымъ во всей совокупности, и взявшимъ власть, теперь принадлежащую государству. Рабочіе поддались вліянію этой идеи, и вотъ движеніе рабочее сливается съ соціалистическимъ, и

на цѣлые 20 лѣтъ Англія становится ареной хроническаго возстанія, то проявляющагося въ мелочныхъ столкновеніяхъ, то въ огромныхъ «всеобщихъ» забастовкахъ, то въ терорѣ, то даже въ попыткѣ нашествія на Лондонъ 100,000-ной арміи рабочихъ.

Это соціалистически-рабочее движеніе, поддерживаемое политическимъ радикализмомъ интелигенціи, было остановлено двумя обстоятельствами: во-первыхъ англійская власть и угрожаемый классъ капиталистовъ держали себя съ обычной британской твердостью, ни разу не дрогнули передъ угрозами и насильственной борьбой, и безусловно доказали рабочимъ, что переворота, къ которому они стремятся, ни въ какомъ случаѣ не допустятъ. Но во-вторыхъ, государство, подъ вліяніемъ протеста рабочихъ, обнаружило въ то-же время извѣстную готовность сойти съ буржуазной точки зрѣнія невмѣшательства въ междуклассовыя отношенія. Англія первая возвратила рабочимъ свободу союзовъ, ввела ограниченія въ эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда, создала фабричный инспекторатъ. Рабочимъ постепенно была предоставляема все болѣе широкая возможность заботиться объ улучшеніи своего положенія. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ рабочіе съ 50-хъ годовъ

совершенно измѣняютъ направленіе своего движенія. Они начинаютъ всесторонне устраивать свой бытъ, создаютъ въ своей средѣ множество разнообразныхъ союзовъ, обществъ, которые рядомъ учрежденій связываются другъ съ другомъ. Организаціи професіональныхъ рабочихъ союзовъ вступаютъ на путь возвышенія заработной платы, то путемъ борьбы съ хозяевами, то путемъ соглашеній. Для этого выработано множество разнообразныхъ междуклассовыхъ учрежденій, какъ третейскіе суды, примирительныя камеры, система подвижныхъ скалъ, нормирующихъ повышеніе или пониженіе заработной платы. Рядомъ съ этимъ идетъ устройство взаимовспомогательныхъ кассъ, кооперативныхъ обществъ и т. д. Въ результатѣ вмѣсто толпы— образовывался организованный классъ. Не всѣ рабочіе наемнаго труда охватываются этими организаціями, но можно сказать что вся масса рабочихъ болѣе или менѣе воспользовалась тѣмъ улучшеніемъ жизни, какое создано ими. Напримѣръ: въ Нортумберландскомъ горномъ округѣ всѣхъ углекоповъ 36,000 человѣкъ. Изъ нихъ въ рабочемъ союзѣ состоитъ 23,000. Въ Камерѣ же соглашенія всего 4,000. Камера по своимъ операціямъ производитъ довольно значительные расходы, которые

падаютъ только на ея членовъ. Результатами же выработанныхъ соглашеній пользуется болѣе или менѣе весь горнорабочій Нортумберландъ. (А. Зотовъ. «Соглашеніе и третейскій судъ», Спб. 1902 г.).

И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ началось это самостоятельное рабочее движеніе, связь между нимъ и соціалистическимъ порывается.

К. Марксъ, живя въ Лондонѣ, создалъ германскую соціалъ-демократическую партію. Въ Лондонѣ же образовалась и окончила существованіе международная асоціація рабочихъ. Но никакая пропаганда не могла уже связать англійскую рабочую партію съ соціализмомъ, и на Бельфастскомъ конгресѣ 1907 года представители около 1.000,000 рабочихъ, входящихъ въ организаціи, отвергли, противъ 98,000 человѣкъ, предложеніе внести соціалистическія требованія въ рабочую програму.

VI.

Въ отношеніи континента пришлось бы войти въ очень сложную работу для того, чтобы разграничить тенденціи рабочаго классоваго движенія и тенденціи соціалистическія, которыя постоянно старались войти въ рабочій классъ и имѣли на это тѣмъ болѣе удобствъ, что — по

ошибочности дѣйствій буржуазнаго государства—соціалисты по большей части являлись первыми глашатаями организаціи рабочихъ.

Не безполезно лишь указать, что для главной страны рабочаго движенія и соціально-демократическаго движенія, то-есть для Германіи, силы соціальной демократіи — обычно крайне преувеличиваются. Общественное мнѣніе невольно поддается соціально-демократической рекламѣ, кричащей всѣмъ и всюду, будтобы соціально-демократическая партія есть душа и командующая сила рабочаго класса. Однако, политическая статистика показываетъ, что между рабочимъ движеніемъ и соціально-демократической партіей далеко не прямое отношеніе. На выборахъ въ рейхстагъ соціалистическая партія получаетъ за послѣднее время 3.200,000 голосовъ, между тѣмъ какъ число всѣхъ организованныхъ рабочихъ, при самомъ широкомъ подсчетѣ, опредѣляется для 1906 года въ 2.300,000, въ томъ числѣ считая 500,000 рабочихъ не только не соціалистовъ, но враждебныхъ имъ (какъ, напримѣръ, христіанскіе союзы, гиршевскіе). Рабочими «своими», находящимися «подъ ея управленіемъ», соціально-демократическая партія обычно называетъ «свободные союзы«, число членовъ которыхъ составляетъ 1.800,000 человѣкъ.

Но даже и съ такимъ счетомъ видно, что огромнѣйшее число голосовъ на выборахъ соціалисты (въ чемъ сознаются и сами) получаютъ не *отъ рабочихъ*, а отъ самой разнообразной «оппозиціи». Что касается числа лицъ, *несомнѣнно* принадлежащихъ къ партіи, т. е. платящихъ котизацію, то оно довольно давно не превышаетъ *400,000*. При послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ, число лицъ, вносящихъ правильную котизацію въ соціалъ-демократическую партію, снова опредѣлялось въ 400,000 (см., наприм., коресп. «Revue Bleu», 1907 г., № 3). Эта цифра какъ бы застыла, въ то время когда ростъ *рабочихъ* организацій—огроменъ, и капиталы собственно на рабочія нужды представляютъ цифры поразительныя. Такъ, напримѣръ, одинъ только союзъ рабочихъ металическаго производства по смѣтѣ на 1906 г. имѣлъ дохода 7.877,000 марокъ (Э. Бернштейнъ, «Германскіе рабочіе союзы», «Русск. Вѣд.», 1907 г., № 84).

Такимъ образомъ, если бы даже счесть всѣ эти 400,000 человѣкъ за рабочихъ (что конечно невѣрно), то все же окажется, что партія располагаетъ изъ 2.300,000 организованныхъ рабочихъ всего только 400,000 человѣкъ, готовыми пожертвовать ей хоть обязательную котизацію. Этотъ фактъ тѣмъ важнѣе, что

организація нѣмецкихъ рабочихъ начата *соціалистами* еще со временъ Лассаля. Достаточно вдуматься въ эти цифры, чтобы понять отсутствіе въ Германіи особеннаго страха передъ соціалъ-демократіей, которая не разъ назначала сроки перевороту, и никогда не осмѣливалась начать въ дѣйствительности хоть малѣйшее возстаніе.

Несомнѣно, что въ Германіи *рабочее* движеніе и *соціально-демократическое* движеніе представляютъ точно также два *различныя* теченія, отождествляемыя только въ рекламѣ партіи, которая пользуется этимъ для приданія себѣ кажущагося значенія.

VII.

Сліяніе рабочаго движенія съ соціалистическимъ, посколько оно происходило, было всегда *случайнымъ*, обусловленнымъ даже не столько соціалистической пропагандой, какъ уклоненіемъ государства отъ его естественной роли.

Гдѣ бы мы ни разсматривали промышленныхъ рабочихъ, они сами по себѣ, во всемъ, что думали или дѣлали самостоятельно, не проявляли ни отрицанія государства, ни даже законности смысла существованія другихъ классовъ. Ихъ собственныя дѣйствія показывали одно желаніе: не быть эксплоатируемыми, ни-

щими, безправными. Они, какъ одинаково формулировалось въ Англіи рабочими XVI вѣка и рабочими союзами XIX вѣка, хотѣли имѣть «приличное существованіе». Желаніе вполнѣ законное. У промышленныхъ рабочихъ классовая идея выдвигалась только въ смыслѣ самозащиты, а не въ смыслѣ захвата команды надъ всѣми другими классами.

Соціалистическая идея, напротивъ, во всѣхъ ея доктринахъ содержала отрицаніе государства и класеовъ. Соціализмъ, въ идейномъ отношеніи, есть главнѣе всего непониманіе государственности, каковое непониманіе обострено главнымъ образомъ ложнымъ направленіемъ буржуазной государственности. Государство «общегражданскаго строя» фактически превращалось въ захватъ государства господствующимъ (сильнѣйшимъ) классомъ капиталистовъ. Не умѣя отличить злоупотребленія отъ существа явленія, соціализмъ пришелъ къ мысли построить общество безъ государства.

Въ тѣ моменты, когда государство забываетъ свою «надъ-классовую» обязанность, рабочіе и поддаются пропагандѣ соціалистовъ. Но когда дѣятельность государства принимаетъ нормальное направленіе, связь рабочаго движенія съ соціалистическимъ начинаетъ нарушаться или совершенно порывается.

Таковъ, конечно, и будетъ историческій исходъ этой коллизіи, ибо государство въ концѣ концовъ возвращается къ исполненію обязанностей.

Государство, въ противность мнѣнію соціализма, по своему смыслу и практикѣ есть внѣклассовое учрежденіе, организація общей власти надъ всѣми классами, надъ всѣми національными слоями. По смыслу своему (и по исторической практикѣ) государство не создаетъ общества и не порабощаетъ его, а только регулируетъ дѣйствіе тѣхъ разнообразныхъ силъ, которыя въ немъ возникаютъ самостоятельно. Если бы вопросъ исторіи состоялъ въ созданіи коммунизма, и если бы въ обществѣ былъ дѣйствительно одинъ только составной элементъ—рабочіе—то государство легко бы могло стать соціалистическимъ даже безъ особенныхъ потрясеній. Это бы не противорѣчило ни его смыслу, ни его обязанностямъ. Но природа общества такова, что въ немъ *не одинъ* классъ, а много, и для совмѣстной жизни общества—всѣ они, каждый по своему, необходимы. Только въ ихъ совокупности общество достигаетъ своихъ цѣлей: дать людямъ обстановку разумную, обезпеченную матеріально и нравственно, со способностью прогресивно развиваться. Будучи властью, спе-

ціально созданной не кѣмъ нибудь однимъ, а всѣми, для охраны и регуляціи не кого либо одного, а всѣхъ, государство не въ состояніи отказаться отъ этой роли, не можетъ превратиться въ служебное орудіе одного какого либо класса, не страдая и не погибая въ концѣ концовъ.

Въ исторіи, бывало, всѣ классы старались получить преобладающее вліяніе въ государствѣ, а если возможно, и совсѣмъ захватить его въ свои руки. Но это настолько противно природѣ государства, что такія попытки, каждый разъ, при малѣйшемъ успѣхѣ, вызываютъ уже изуродованіе государства и революціонныя движенія, которыя возстановляютъ его въ истинномъ видѣ и назначеніи. Если въ нашу эпоху могло развиться рабочее революціонное движеніе, то именно потому, что буржуазія XIX вѣка успѣла чрезмѣрно захватить государство въ свои руки, и придать ему (хоть временно и съ множествомъ исключеній) *классовой* характеръ. Соціализмъ же хочетъ возвести эту уродливость въ принципъ, и придавая случайнымъ, исключительнымъ явленіямъ значеніе основного закона, предлагаетъ совсѣмъ уничтожить государство и замѣнить его классомъ рабочихъ. Всѣ остальные классы при этомъ

упраздняются, вымираютъ и вводятся въ составъ рабочаго класса. Но такое построеніе на всѣхъ пунктахъ есть сплетеніе невозможностей и ошибокъ.

VIII.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ соціалистическихъ публицистовъ нашего времени, Максимъ Леруа («Эволюція государственной власти. Синдикаты чиновниковъ»), объединяющій взгляды соціальной демократіи и анархизма, рисуетъ будущее общество въ видѣ автономныхъ професіональныхъ союзовъ. Единеніе ихъ поддерживается тѣмъ, что всѣ производства и професіи взаимно необходимы, и сами собою находятся въ извѣстныхъ соотношеніяхъ. Въ числѣ професій имѣется и всеобщее освѣдомленіе о потребностяхъ и средствахъ всей сѣти автономныхъ союзовъ: это задача, которую будутъ исполнять трансформировавшіеся союзы тѣхъ людей, которые нынѣ составляютъ «бюрократію». Максимъ Леруа вѣруетъ, что никакихъ взаимныхъ насилій между этими автономными союзами не будетъ происходить, такъ какъ спорные вопросы будутъ отдаваться на всенародное обсужденіе и голосованіе.

Какъ назвать это, какъ не манилов-скими мечтаніями?

Но совершенно ясно, что тутъ на каждомъ шагу потребуется вмѣшательство какой то принудительной власти. Союзъ производитъ, положимъ,—мясные, продукты и доставляетъ ихъ другимъ союзамъ, а самому ему нужны одежды, колоніальные продукты, инструменты и т. д. Все это его ставитъ въ обмѣнъ съ множествомъ другихъ союзовъ, производительныхъ, перевозочныхъ, «бюрократическихъ» и т. д. По какому же разсчету всѣ они будутъ обмѣниваться? Кто будетъ устанавливать количество производства? Кто будетъ примирять споры о соотношеніи количества и качества продуктовъ? Обращаться къ всенародному голосованію—каждый разъ, по всѣмъ миліонамъ спорныхъ пунктовъ — это значитъ осудить весь земной шаръ вѣчно проводить время въ разборѣ споровъ. Да и нельзя рѣшать всенароднымъ голосованіемъ такіе вопросы, о которыхъ голосующіе, по отдаленности, даже не могутъ имѣть понятія. Наконецъ, если бы даже всенародное голосованіе и рѣшило вопросъ, то нужно, чтобы рѣшенію *подчинились*, не на словахъ, а на дѣлѣ, и не съ задержками, а тотчасъ. Ибо если отъ исполненія рѣшенія зависитъ ежедневная пища даннаго обиженнаго союза, то замедленіе на одну недѣлю срока,—можетъ осуждать его членовъ на

голодную смерть. Волей неволей всѣ союзы сами потребуютъ назначенія (хотя бы и всенароднымъ голосованіемъ) какой-нибудь близкой къ каждому власти, притомъ же снабженной принудительными полномочіями. А разъ это есть, стало быть возрождается современное государство, какъ фениксъ, изъ пепла бумажныхъ теорій.

Государство неизбѣжно. Чѣмъ болѣе мы заботимся о достиженіи справедливости, тѣмъ неизбѣжнѣе и необходимѣе такая принудительная власть, стоящая, во имя общаго блага и закона, надъ всѣми лицами и группами. Если бы раздробленное общество не находило способовъ для законнаго возстановленія государства, то потребность общей власти будетъ удовлетворена, какъ не разъ бывало, системой узурпацій. Союзы, наиболѣе необходимые, какъ «бюрократическіе» или перевозочные (желѣзнодорожные, пароходные и т. д.), постепенно сами начнутъ придавать своему голосу рѣшающее значеніе. Пользуясь фактической силой, и преслѣдуя личные интересы, они начнутъ заставлять другіе союзы давать и брать въ обмѣнъ то, что рѣшитъ эта самовольная власть. Такая роль для общества столь необходима, что всѣ согласятся молчаливо терпѣть даже эксплоатацію и подчиненіе,

лишь бы только цѣной ихъ получить стройный порядокъ.

Но хотя даже плохая власть для общества лучше, чѣмъ никакой, тѣмъ не менѣе оставаться при ней вѣчно нѣтъ разсчета, и поэтому, достигнувъ снова государственности при помощи «благодѣтельной тираніи», люди станутъ далѣе стремиться къ тому, чтобы замѣнить узурпацію законной властью, чего, конечно, и достигнутъ, послѣ ряда революцій. Въ общей сложности, въ результатѣ соціалистическаго опыта, если онъ основанъ на свободѣ, человѣчество приводится лишь къ тому, чтобы сызнова продѣлать свою прежнюю исторію, ту самую, посредствомъ которой оно изъ первобытной безпорядочности пришло къ государственности.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда соціализмъ не забываетъ о необходимости порядка, онъ приходитъ къ обратнымъ абсурдамъ: безконечнымъ стѣсненіямъ личности, въ результатѣ которыхъ жизнедѣятельность общества неизбѣжно ослабляется и угасаетъ. Таковы «положительные» проекты отъ стараго Томаса Мора, до новѣйшаго Менгера. Чувствуя себя между Сциллой и Харибдой, партійные публицисты соціалъ-демократіи, какъ Каутскій или Либкнехтъ, очень охотно избѣгаютъ выставлять ясные планы, подъ тѣмъ пред-

логомъ, что предвидѣть точное устройство будущаго невозможно. Это вѣрно, но если они сами не знаютъ, куда идутъ, то на какомъ основаніи можно увѣрять, что ихъ неизвѣстное будущее должно оказаться лучше настоящаго? Мы же знаемъ, что *единственное* учрежденіе, способное совмѣстить и *свободу*, и *порядокъ*—есть государство, вслѣдствіе чего будущее, построенное на уничтоженіи государства, будетъ несомнѣнно *хуже* настоящаго.

IX.

Пока либеральная и соціалистическая интелигенція строитъ и перестраиваетъ свои доктрины, дѣйствительная жизнь подвигается по своимъ внутреннимъ законамъ. Классы, оставленные безъ регулированія, сами начали работать надъ своимъ устроеніемъ, да и государство, въ силу опасности явившихся революціонныхъ движеній, также воспрянуло, и въ противность либеральной доктринѣ, начало возвращаться къ своей естественной роли верховнаго попечительства надъ всѣми классами и сословіями.

Тотъ самый XIX вѣкъ, который начался съ «административнаго нигилизма», съ теорій «laissez faire», кончился среди глубокаго развитія теоріи государственнаго и полицейскаго права, и при всесторон-

немъ расширеніи и углубленіи государственнаго воздѣйствія на разныя стороны жизни. Въ этомъ отношеніи рабочее движеніе имѣетъ крупную историческую заслугу, но совсѣмъ не ту, какую ему навязываютъ сочиненныя интелигенціей теоріи «пролетарской идеи».

Рабочее движеніе показало, что человѣку немыслимо жить иначе, какъ въ классовой обстановкѣ, которая вслѣдствіе этого нуждается во вниманіи государства ужъ по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ улучшеніе путей сообщенія, прорытіе каналовъ, устройство плотинъ и т. п. Странно было бы дѣйствительно, если бы человѣкъ сознательно приспособлялъ къ нуждамъ своимъ законы матеріальной природы, и оставлялъ внѣ сознательного дѣйствія законы соціальной природы. Рабочее движеніе не только показало, какія катастрофы угрожаютъ при этомъ, но въ разнообразной дѣятельности своихъ союзовъ обнаружило и пути для организаціи общественности въ новыхъ условіяхъ.

Когда средневѣковое сословное построеніе оказалось уже непригоднымъ, по распаденію прежнихъ сословій, государство какъ бы растерялось и не знало: нужно ли устраивать что либо новое, и какъ его устраивать?

Рабочіе союзы своей дѣятельностью именно и дали указанія какъ на необходимость, такъ и на способы новаго устроенія.

Рабочіе союзы, организуя свое сословіе, дали также толчекъ организаціи класса предпринимательскаго, и эти двѣ арміи, которыя, по старой теоріи «laisser faire», должны были быть предоставлены «свободной борьбѣ», дали образцы такихъ страшныхъ столкновеній, что государство не могло не убѣдиться въ обязанности охраны хоть третьихъ лицъ. Но охрана оказывалась дѣломъ труднымъ, когда борьба классовъ стала доходить до «всеобщихъ» забастовокъ, съ одной стороны, и до такихъ, съ другой стороны, «трестовъ», которые угрожаютъ свободѣ самого государства, какъ это уже проявлялось въ Америкѣ.

Подъ вліяніемъ такой force majore, историческое воззрѣніе на попечительныя обязанности государства, временно отброшенное теоретической мыслью, стало возрождаться. Начинается снова вмѣшательство государства въ отношенія, казалось бы, частноправныя. Сначала дѣлаются шаги къ охранѣ неполноправныхъ лицъ, въ силу этого требующихъ извѣстной опеки. Но охрана дѣтей и женщинъ оказывалась недостаточной. Становилось ясно, что и политически полноправныя лица могутъ

быть слишкомъ неравносильны для того, чтобы государственная совѣсть и безопасность могла предоставлять ихъ участь исходу простой свободной конкуренціи. Ходъ событій показалъ, впрочемъ, что конкуренція не остается «свободною». Рабочіе, будучи слабы каждый въ отдѣльности, начали искать силы въ единеніи. Это придало имъ такую силу, что въ свою очередь предприниматели стали бояться оказаться порознь слишкомъ слабыми, и точно также начали объединяться. Такимъ образомъ *конкуренція личностей* все болѣе стала исчезать и замѣняться *конкуренціей колективностей*. Однако и передъ колективностями скоро выросъ тотъ же вопросъ, какой былъ раньше передъ отдѣльными лицами. Пришлось выбирать одно изъ двухъ: или быть побѣжденнымъ или соединяться въ союзы союзовъ. Поле дѣйствія «свободной конкуренціи» все болѣе суживалось и передъ современными обществами уже рисовалось въ недалекомъ будущемъ раздѣленіе на *два* непримиримо-враждебные лагеря, члены каждаго изъ которыхъ уже перестали быть свободными. Какъ рабочій долженъ подчиняться союзу, такъ и предприниматель— своему синдикату. Если бы процесъ этотъ былъ допущенъ до полнаго завер-

шенія, то членъ каждаго класса, внутри своихъ организацій, имѣлъ бы не больше свободы, чѣмъ солдатъ въ арміи. Но тутъ невольно является вопросъ: чѣмъ же такое лишеніе свободы труда и конкуренціи лучше ограниченій, налагаемыхъ государственнымъ вмѣшательствомъ? Ограниченіе государственное имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что дѣйствительно прекращаетъ междоусобицу, тогда какъ при борьбѣ классовой, дошедшей до логическаго развитія, свобода личности исчезаетъ, а умиротворенія, все-таки, не достигается.

Сверхъ того, по самому существу своему, государство всегда было охраной свободы личности, но такая роль неисполнима для него при отреченіи отъ воздѣйствія на соціальные слои.

Подъ давленіемъ такой логики фактовъ, государственное вмѣшательство стало въ XIX вѣкѣ мало-по-малу распространяться и на классовыя отношенія полноправныхъ гражданъ. Во имя общественнаго блага, во имя порядка, во имя интересовъ личности, государство начинаетъ устанавливать обязательныя мѣры для достиженія тѣхъ же цѣлей, какія ставятъ себѣ борющіеся классы. Началась законодательная нормировка труда, его продолжительности, его условій, началась защита здоровья населе-

нія. Дѣло дошло даже до государственной установки страхованія для обезпеченія увѣчныхъ, престарѣлыхъ и т. д.

Все это было окрещено противниками, какъ «государственный соціализмъ». Тутъ, однако, явленіе совершенно обратное. Соціализмъ стремится установить однослойное общество, съ уничтоженіемъ классовъ, откуда вытекаетъ и отрицаніе надобности въ государствѣ. Отмѣченная дѣятельность государства, напротивъ, стремится *охранить* классы, привнеся въ ихъ взаимоотношенія правильныя нормы, при которыхъ, по возможности, исключалась бы ихъ взаимная эксплоатація, и поддерживалось ихъ взаимное содѣйствіе.

Конечно, такое вмѣшательство государства, по существу, совершенно необходимое, можетъ быть доводимо до неразумности. Но это уже вопросъ политики, а не принципа. Самый вѣрный принципъ можетъ дать мѣсто для плохой политики, и недостатки послѣдней не подрываютъ принципа.

Для выясненія историческаго смысла рабочаго движенія важно, однако, не то, насколько правильно и плодотворно было вмѣшательство государства, а то, что въ этомъ выражалось *сближеніе* рабочаго движенія съ дѣятельностью государства. Даже въ отношеніи пунктовъ необходи-

маго вмѣшательства государство обильно пользовалось указаніями, какія давала практика рабочаго движенія. Дѣятельность государства и творчество соціальныхъ слоевъ стали сближаться, какъ это было въ «средніе вѣка» и во всѣ вѣка существованія человѣчества.

X.

На этомъ пути уже вырисовывается такое явленіе, смыслъ котораго доселѣ еще очень мало сознается. Классовое движеніе и борьба, заставивши государство привносить нѣкоторыя обязательныя нормы въ между-классовыя отношенія, безсознательно для всѣхъ ведутъ къ новой организаціи сословности, не «средневѣковой», не римской, не индійской, а новой сословности.

Въ научномъ опредѣленіи сословіе есть ничто иное, какъ государственно признанный и регулированный классъ. Классъ—есть явленіе непреднамѣреннаго естественнаго разслоенія общества. Когда же государство налагаетъ свои обязательныя регуляціи на этотъ слой—онъ дѣлается сословіемъ.

Въ современныхъ передовыхъ странахъ, подъ вліяніемъ ихъ типическихъ національныхъ особенностей, этотъ процесъ возрожденія сословности происходитъ не одинаково. Въ Англіи онъ со-

вершается преимущественно на основѣ *самоуправленія*, которое лишь признается государствомъ, при минимальномъ содержаніи вмѣшательства. Въ Германіи, напротивъ, государство принимаетъ болѣе активную роль и становится какъ бы во главѣ движенія.

Вліяніе Пруссіи отразилось на Германіи, вліяніе же послѣдней на многихъ другихъ странахъ. И вотъ, мы видимъ уже такія явленія, какъ, напримѣръ, установленіе промышленныхъ судовъ, которыхъ составъ организуется изъ классового представительства (отъ предпринимателей и рабочихъ), но подъ эгидой государства, и съ обязательностью рѣшеній, нѣкогда предоставлявшихся только «свободному соглашенію». По германскому промышленному уставу, по горному закону, такъ называемые, постоянные комитеты рабочихъ дѣлаются учрежденіемъ обязательнымъ, и внутренній распорядокъ фабрикъ и заводовъ во многомъ ставится въ зависимость отъ соглашенія хозяина съ рабочимъ комитетомъ. По взаимному соглашенію ихъ, правила могутъ охватывать такое попеченіе надъ бытомъ рабочихъ, которое привело бы въ ужасъ «свободную» мысль начала XIX вѣка. Такъ устанавливаются правила пользованія рабочими тѣми учрежденіями, которыя создаются на фабрикѣ

для ихъ блага. Вводится надзоръ за несовершеннолѣтними, чтобы они не покидали родительскаго дома въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, не утрачивали стремленія къ сбереженіямъ, не посѣщали слишкомъ усердно харчевень и залъ для танцевъ, не женились въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. Вся эта забота о здоровомъ состояніи соціальнаго строя—входитъ такимъ образомъ уже въ область государственнаго попеченія, посредствомъ его связи со слоемъ рабочихъ и хозяевъ.

По австрійскому закону о промышленныхъ судахъ, въ это соціально государственное учрежденіе цѣлый рядъ дѣлъ вносится обязательно. Это не добровольный третейскій судъ, а официальный, обязанный разсматривать недоразумѣнія между владѣльцами предпріятій и рабочими, и между рабочими одного и того же производства, при чемъ члены суда избираются хозяевами и рабочими, а предсѣдатель назначается Министромъ, члены суда приносятъ присягу, получаютъ вознагражденіе. Въ довершеніе—это учрежденіе получаетъ право вносить въ административныя сферы предположенія по промышленнымъ вопросамъ производствъ своей компетенціи.

Еще далѣе заходитъ германскій законопроектъ объ учрежденіи «Имперскаго рабочаго управленія» (Reichsar-

beitsamt): учрежденіе чисто государственное сверху, а въ нижнихъ развѣтвленіяхъ своихъ постепенно сливающееся съ сословными. Такъ окружное «рабочее управленіе» имѣетъ предсѣдателемъ лицо по официальному назначенію, а члены назначаются «рабочими палатами». Эти же послѣднія составляются по выборамъ, наполовину отъ предпринимателей, наполовину отъ рабочихъ.

XI.

Въ общей сложности, отвлекаясь отъ содержанія митинговыхъ рѣчей и пропагаторскихъ брошюръ, и вникая въ содержаніе фактовъ, нельзя не видѣть, что въ дѣйствительности рабочее движеніе XIX и XX вѣковъ имѣетъ въ отношеніи государственности и соціализма совсѣмъ не тѣ тенденціи, которыя провозглашены въ соціалистическихъ символахъ вѣры.

Не разрывъ съ государствомъ, а сближеніе, не уничтоженіе государства, а расширеніе государственной компетенціи —вотъ, что показываютъ факты государственно-рабочихъ взаимоотношеній въ ихъ историческомъ развитіи. И по мѣрѣ того, какъ опредѣляется эта тенденція рабочаго классового движенія, связь его

съ соціализмомъ блѣднѣетъ, становится слабѣющимъ пережиткомъ столѣтней старины.

Въ концѣ такой эволюціи соціализмъ можетъ увидѣть себя только незначущей сектой или кабинетнымъ умозрѣніемъ. На аренѣ же исторіи рисуется въ будущемъ лишь государственность, обновленная и усиленная болѣе сложнымъ содержаніемъ.

Безспорно, на пути къ этому будущему передъ государствомъ стоитъ рядъ трудныхъ вопросовъ. Такъ, требуется примирить при нынѣшнихъ условіяхъ свободу и обязательность въ наилучшихъ для процвѣтанія личности и общества условіяхъ. Средневѣковая регламентація теперь неповторима. Въ свое время она достаточно соотвѣтствовала потребностямъ, но теперь копировка ея была бы вредна и нестерпима. Въ то же время и замѣна ея необузданнымъ индивидуализмомъ уже стала невозможною и столь же нестерпимою. Сами соціальные слои отвергаютъ ее въ своей добровольной организаціи. Итакъ, здѣсь потребно новое построеніе государственнаго попеченія, которое должно оставить мѣсто свободѣ несравненно болѣе широкое, а въ то же время ввести современные классы въ регулируемыя рамки, то есть возродить въ новыхъ фор-

махъ духъ сословности, присущій самымъ законамъ общественной жизни.

Другой трудный и сложный вопросъ составляетъ система представительства, необходимая для государства будущаго.

Система представительства, выдвинутая XVIII вѣкомъ, и развитая въ нынѣшнемъ конституціонномъ правѣ, явно непригодна для государства, ставящаго себѣ сколько нибудь глубокія задачи общественнаго характера. Она настолько неудовлетворительна, что ея существованіе компрометируетъ самую идею государства и порождаетъ невозможныя фантазіи о самоуправляющихся союзахъ и синдикатахъ. Государству, возвратившемуся къ соціальнымъ обязанностямъ, необходимо *соціальное*, а не *общегражданское* представительство, и достойно вниманія, что къ нему прокладываетъ путь то же рабочее движеніе, которое выдвинуло на видъ соціальныя задачи государства.

Дѣйствительно, рабочіе, несмотря на помѣхи соціализма, являются въ парламентахъ съ замѣтнымъ характеромъ сословнаго (классоваго) представительства. Онъ вносится ими не по какой нибудь сознательной теоріи государственнаго права, такъ какъ вообще рабочій классъ доселѣ не выставилъ, къ сожалѣнію, крупныхъ теоретическихъ силъ. Но самый

характеръ соціальнаго положенія таковъ, что, повинуясь инстинкту, рабочіе представители постоянно нарушаютъ современную идею представительства, и воскрешаютъ идею сословную. Они безсознательно дѣлаютъ то, на что уже обращаютъ вниманіе передовые умы науки. Дѣйствительно, тѣ задачи общественнаго попеченія, которыя сами, какъ бы силой, возродились въ современномъ государствѣ, неосуществимы иначе, какъ съ измѣненіемъ характера народнаго представительства. «Граждане вообще», представители какой то отвлеченной націи, не въ состояніи имѣть того тонкаго пониманія классовыхъ, сословныхъ, соціальныхъ нуждъ и связи съ ними, какія нужно государству при опредѣленіи обязательно устанавливаемыхъ нормъ междуклассовыхъ отношеній. Для этого требуется постоянная помощь соціальнаго, классоваго, професіональнаго представительства.

На пути къ его созданію передъ современнымъ государствомъ стоятъ чрезвычайныя помѣхи со стороны множества научныхъ предразсудковъ, воспитанныхъ буржуазной идеей, и еще болѣе личные интересы могущественнѣйшаго современнаго класса профессіональныхъ политикановъ. Но то, что *необходимо*, безъ чего нельзя обойтись, всегда *совершается*

въ исторіи, какія бы силы ни старались этому препятствовать.

Можно замолчать и заглушить идею передового мыслителя, провидящаго смыслъ грядущаго изъ содержанія настоящаго. Можно низвергнуть и загнать въ безсиліе передового политическаго дѣятеля, задѣвающаго, во имя общественнаго блага, интересы политически господствующихъ слоевъ и партій. Такими путями можно оттягивать осуществленіе необходимаго или искажать первые шаги творчества на пути къ нему. Но въ концѣ концовъ реальное содержаніе общества непремѣнно воплотится въ государственныхъ формахъ, необходимыхъ для функцій общества, и когда потребность окончательно назрѣетъ, за исполненіе задачи возьмутся даже тѣ самые, которые раньше ей мѣшали, и приведутъ необходимую реформу изъ тѣхъ же побужденій, изъ за которыхъ мѣшали ей раньше.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА